

Володина Наталия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)

E-mail: rusfilolog@chsu.ru

Volodina Nataliya Vladimirovna

Doctor of Philology, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)

E-mail: rusfilolog@chsu.ru

**«МЕМУАРНЫЙ ХРОНОТОП»
КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЕ
ПОНЯТИЕ: К ПОСТАНОВКЕ
ПРОБЛЕМЫ¹**

**“MEMORIAL CHRONOTOPE”
AS A LITERARY CONCEPT:
PROBLEM OF DEFINITION**

Аннотация. Статья посвящена конкретизации термина «хронотоп», который употребляется в литературоведении для характеристики внутренних пространственно-временных координат произведений разных жанров, как художественных, так и пограничных, возникших на пересечении документа и литературного текста. Представляется возможным дополнение этого термина устойчивыми определениями, характеризующими ряд жанров. В данной статье речь идет о «мемуарном хронотопе».

Abstract. This article is focused on the definition of concept of “chronotope”, which is used in literary criticism for characteristic of internal and existential coordinates of literary works of different genres: fiction as well as coterminous genres, which were formed from a document and a literary text. It seems possible to supplement this concept with definitions characterizing a number of genres. In this article “the memorial chronotope” is considered in more details.

Ключевые слова. Жанровые типологии, структурная поэтика, мемуарный хронотоп, константные признаки.

Key words. Genre typologies, structural poetics, memorial chronotope, constant characteristics.

Введение

Понятие «хронотоп» как теоретическая категория, начиная с работ М.М. Бахтина, всесторонне рассмотрено гуманитарной наукой [1], [16]. Это не исключает, однако, возможности дальнейшего его осмысления, прежде всего, как аспекта художественного мира произведений разных жанров в рамках исторической и структурной поэтики. Речь идет не о хронотопе конкретных текстов, но устойчивых жанровых признаках, обнаруживающих себя в этой категории поэтики, ибо, как пишет Бахтин, «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [1, с. 235]. Ученый рассмотрел под этим углом зрения развитие европейского романа эпохи античности, средневековья и Возрождения и ввел понятие «романного хронотопа» [1, с. 236]. Следуя методологии Бахтина, можно попытаться выявить другие жанровые хронотопы, их структуру, содержательную природу, функциональные возможности. Жанровые хронотопы при этом будут обозначены устойчивыми словосочетаниями, которые представляют собой конкретизацию базового, основного, инвариантного понятия.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491): «Неисследованные «имена» в русском литературном процессе второй половины XIX века: Н.Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик».

Основная часть

Прежде всего, уточним, что термин «романный хронотоп», используемый Бахтиным, отличается от вариативного, на первый взгляд, употребления «хронотоп в романе». В последнем случае перед нами категория поэтики, которая соотносится с конкретным автором и произведением. «Романный хронотоп» – устойчивый термин, научный концепт, содержащий базовый слой, константные признаки и потенциальное множество смыслов, которые рождаются при его использовании для характеристики разных авторов и произведений.

Возможности появления наименований, подобных «романному хронотопу», достаточно ограничены. Сочетательные свойства понятия «хронотоп» позволяют его употреблять при анализе любого произведения (хронотоп какой-либо повести, поэмы, драмы и т.д.); однако при смещении акцента на жанр валентность понятия «хронотоп» меняется; и из ряда подобных категорий грамматически возможными становятся лишь отдельные. Так, М.М. Бахтин вводит, помимо «романного», понятие «идиллического хронотопа». Представляется возможным «поиск» таких хронотопов не только в ряду собственно художественных литературных явлений, но и в пограничных, «промежуточных» [3, с. 137] жанрах, к каким относятся мемуары.

Еще В.Г. Белинский сравнивал мемуары с романами нового времени: «... мемуары, совершенно чуждые всякого вымысла, ценимые только по мере верной и точной передачи ими действительных событий, – самые мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань романа» [2, с. 372]. Выдвигая в качестве обязательного признака мемуаров типизацию изображаемого, Белинский тем самым относил мемуары к жанру художественной литературы, в котором происходят отбор и организация фактов в соответствии с авторским замыслом, а также их образное воплощение. Иначе говоря, критик применил к мемуарам те же художественные критерии, что и к литературным произведениям. В современном литературоведении прямого сближения этих жанров нет, однако здесь тоже принято говорить о некоторой общности мемуаров и романа (речь идет о XIX в. – периоде формирования мемуарного канона) [12], которую можно рассмотреть, следовательно, и на уровне хронотопа. Это сопоставление позволяет вернуться к категории «романного хронотопа», введенного Бахтиным, и по тому же принципу сформулировать понятие «мемуарного хронотопа», имеющего, несомненно, свое специфическое содержание и структуру.

Внимание к мемуарам, впервые обстоятельно рассмотренным Л.Я. Гинзбург [3], явно актуализировалось в современной отечественной науке и зарубежной русистике [4]–[15]. В поле зрения исследователей оказываются как конкретные тексты, так и наиболее общие вопросы, связанные с изучением природы данного литературного явления. Обозначим наиболее существенные проблемы этого научного направления: представляют ли мемуары особый вид словесности или конкретный жанр, как соотносятся мемуары со сферой документального и художественного, синонимичны ли понятия мемуаров и мемуаристики и др. Весь этот круг вопросов необходимо учитывать при рассмотрении «мемуарного хронотопа».

Будем исходить из того, что мемуары представляют собой тексты разного типа: с доминантной документальной начала или документально-художественные. Отграничим воспоминания как самостоятельный жанр от дневников и записок, хотя они имеют много общего. Учтем, что есть отличия в воспоминаниях, посвященных конкретному человеку, «другому» по отношению к автору («Пушкин в воспоминаниях современников» и т.д.) и воспоминаниях, в центре которых находится личность самого рассказчика. Мемуары разных эпох также отличаются друг от друга, ибо начало русских мемуаров, их «прототип» можно, очевидно, увидеть еще в «Поучении

Владимира Мономаха» (вторая часть), средневековом памятнике XII века. Многоаспектность этого жанра, его историческая изменчивость, национальные особенности дают возможность исследователям выстраивать его типологию [3], [8]. В соответствии с этим можно говорить о мемуарном хронотопе воспоминаний разных типов, учитывая их индивидуальные характеристики. В этом случае при их рассмотрении наиболее продуктивной оказывается методология исторической поэтики, позволяющая рассмотреть динамику самого жанра и изменчивость мемуарного хронотопа. В то же время мемуарный хронотоп обладает рядом устойчивых признаков, определяя которые логично воспользоваться методологией структурной поэтики и понятием модели.

Выстраивая эту модель, к основным признакам мемуарного хронотопа (принимая во внимание ведущую, как показал М. Бахтин, роль времени) следует, прежде всего, отнести ретроспективность повествования, развертывающегося в хронологической последовательности. Мемуары в целом (частные исключения из правила всегда есть) не знают настоящего и будущего времени, хотя настоящее время в той или иной степени обнаруживает себя как момент, в который происходит рассказ о прошлом. В мемуарах всегда сохраняется дистанция между изображенными событиями и временем рассказа о них, которое напоминает о себе как стилистическими, языковыми маркерами (помню, вспоминаю, пронеслось в памяти, воскрешаю в памяти ...), так и интерпретацией прошлого с позиции настоящего. Сошлемся также на мнение современного исследователя, который считает, что мемуары, обладая «культурологическим потенциалом», разомкнуты в будущее, ибо ценности культуры живут в настоящем [13].

Мемуары характеризуются наличием биографического времени, соотношенного с судьбой рассказчика, даже если он стремится остаться в тени, сосредоточив внимание на внешних по отношению к нему событиях.

В мемуарах, в отличие от дневника, который может иметь сугубо личный характер, всегда присутствуют приметы эпохи, запечатленной в развернутых картинах или обозначенной имплицитно. Это обуславливает включение личного времени рассказчика в историческое время; а потому изображение прошлого, когда-то произошедших событий включает предполагает их осмысление рассказчиком с позиции уже пережитого им «большого времени».

Субъективное переживание времени в мемуарах влияет на избирательное отношение рассказчика к прошлому, когда события (текучесть времени ощущается, прежде всего, через происходящие с самим «автором» или вне его событиями) предстают развернутыми во времени (независимо от его продолжительности), сконцентрированными в нескольких временных моментах либо вообще пропущенными.

Память, формирующая взгляд автора мемуаров на прошлое, всегда носит ценностный характер; поэтому восприятие времени зависит от мировоззрения автора — его убеждений, идеалов, ментальности, психологических и эмоциональных особенностей, наконец, его судьбы. Сам характер этой оценки неизбежно включает в себе момент субъективности, даже если перед нами исторические мемуары, например, участников Отечественной войны 1812 года или Великой Отечественной войны 1941–45 гг. В случае, если речь идет о художественных (документально-художественных мемуарах), эта оценочность будет еще более ощутимой.

В мемуарном хронотопе, как и в собственно литературном, «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 235]. Пространство мемуарного хронотопа всегда реально. Мемуары не знают воображаемого, фиктивного или фантастического пространства. В этой составляющей хронотопа документальная природа мемуаров выражена более после-

довательно, чем во времени. В остальном мемуарный топос близок законам изображения пространства в художественной литературе. Оно может быть локализовано в конкретных точках или включать в себя панорамное видение событий, происходящих в разных местах; пространство может быть замкнутым и открытым, заполненным и свободным, внешним и внутренним и т.д. [16, с. 363–373]. Характерным пространственным образом мемуаров является образ дороги/пути, буквальный или метафорический. Бахтин увидел в этом образе важное проявление романного хронотопа [1]. Для мемуаров, большая часть которых посвящена описанию жизненного пути героя, как показывает Н.А. Николина, он становится практически обязательным [11].

Выводы

«Мемуарный хронотоп» является устойчивой жанровой характеристикой, определяющей специфику пространственно-временных координат воспоминаний разного типа, разных исторических эпох, существующих в разных национальных культурах, этносах. Уникальный синтез документального и художественного начала (даже если оно подсознательно транслируется автором), последовательная ориентация на изображение судеб реальных людей и действительно произошедших событий вводит мемуары в широкое поле культуры, являющейся частью действительности. Мемуарный хронотоп формирует в сознании читателя образ мира, привлекательный для него, очевидно, своей достоверностью, информативной и познавательной ценностью. Однако смысловой потенциал этого жанра, в значительной степени сформированного мемуарным хронотопом, явно или имплицитно содержит в себе интерпретацию этих фактов как явлений культуры. В центре пространственно-временного континуума мемуаров всегда оказывается личность автора (рассказчика), одновременно беспристрастного (в своей телеологической установке) и неизбежно субъективного, заинтересованного в том, о чем он говорит, в известной мере пересоздающего знакомый ему мир. Гениальную художественную модель воспоминаний можно увидеть в пушкинском стихотворении 1828 года. Метафора жизни-книга, на которой построено это стихотворение, превращает воспоминания в текст, «свиток», «безмолвно» открывающий свои страницы перед лирическим субъектом, возвращая его в прошлое. И какие бы эмоции не вызывало это прошлое, оно оказывается для героя стихотворения частью его духовного опыта, от которого нельзя отказаться, и потому «строк печальных» он «не смысляет». Мемуары, аккумулируя в себе личный человеческий опыт, делают его достоянием других, включают его в общечеловеческую сферу быта и бытия.

Итак, «мемуарный хронотоп» является понятием-концептом, фиксирующим определенный ряд временных показателей: ретроспективность повествования, биографическое время, включение личного времени рассказчика в историческое время и субъективное его переживания, оценочность. Мемуарное время протекает в реальном пространстве, в целом обладающем свойствами топоса художественной литературы.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8.
3. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1971.

4. Гитович И. «Найти свою жизнь и ее значение»: мемуары и автобиографическая память // *Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, t. I, Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2010. С. 49–63.
5. Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // *Русский и западно-европейский классицизм. Проза*. М., 1982.
6. Кознова Н.Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
7. Колядич Т.М. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 42 с.
8. Лейбов Р. и др. Мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>
9. Луцевич Л.Ф. Некоторые аспекты изучения мемуаристики // *Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, T. I. Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2010a. С. 9–25.
10. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 44 с.
11. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2002.
12. Савинков С.В. Мемуаристика // *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий*. М., 2008.
13. Сиротина И.Л. Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы. URL: <http://anthropology.ru/en/text/sirotina-il/kulturologicheskij-potencial-memuarnogo-istochnika-poiski-novoy-paradigmy>
14. Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // *Вопросы литературы*. 1999. № 1. С. 35–55.
15. Федоров Ф. Мемуары как проблема // *Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, T. I, Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2010. С. 25–49.
16. Фарыно Ежи. Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 372–378.

References

1. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975.
2. Belinskii V.G. *Vzgliad na russkuiu literaturu 1847 g.* [A glance at Russian literature of 1847]. *Belinskii V.G. Sobr. soch.: V 9 t.* [Belinskii VG. Coll. Cit. : In 9 tons.]. Moscow, 1982. T. 8.
3. Ginzburg L.Ia. *O psikhologicheskoi proze* [About psychological prose]. Leningrad, 1971.
4. Gitovich I. "Naiti svoiu zhizn' i ee znachenie": memuary i avtobiograficheskaia pamiat' ["Find your life and its meaning": memoirs and autobiographical memory]. *Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, t. I, Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego [Russian Memorabilia and its Cultural Contexts, edited by A. Volodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, Vol. University of Warsaw]. Warszawa, 2010, pp. 49–63.
5. Elizavetina G.G. *Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov* [Formation of genres of autobiography and memoirs]. *Russkii i zapadnoevropeiskii klassitsizm. Proza* [Russian and West European classicism. Prose]. Moscow, 1982.
6. Koznova N.N. *Memuary russkikh pisatelei-emigrantov pervoi volny: kontseptsii istorii i tipologii form povestvovaniia: avtoref. dis. ... d-ra filol. Nauk* [Memoirs of Russian emigre writers of the first wave: the concept of history and typology of forms of narrative: the author's abstract. Dr. Dis.]. Moscow, 2011.
7. Koliadich T.M. *Vospominaniia pisatelei KhKh veka (evoliutsiia, problematika, tipologii): avtoref. dis. ... d-ra filol. Nauk* [Memoirs of writers of the twentieth century (evolution, problems, typology): Dr. Dis.]. Moscow, 1999. 42 p.
8. Leibov R. et al. *Memuary v istoriko-tipologicheskoi osveshchenii: k postanovke problem* [Memoirs in historical and typological coverage: to the formulation of the problem]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>

9. Lutsevich L.F. Nekotorye aspekty izucheniiia memuaristiki [Some aspects of the study of memoirs]. *Studia Rossica XX. Memua-rystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, T. I. Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego [Studies Rossica XX. Russian Memories and Its Cultural Contexts, edited by A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, T. I. Ed. University of Warsaw]. Warszawa, 2010a, pp. 9–25.
10. Mestergazi E. G. Khudozhestvennaia slovesnost' i real'nost' (dokumental'noe nachalo v otechestvennoi literature XX veka): avtoref. dis. ... d-ra filol. Nauk [Artistic literature and reality (documentary beginning in the domestic literature of the XX century. Dr. Dis.]. Moscow, 2008, 44 p.
11. Nikolina N.A. *Poetika russkoi avtobiograficheskoi prozy* [The Hypoetics of Russian Autobiographical Prose]. Moscow, 2002.
12. Savinkov S.V. Memuvaristika [Memo-journalism]. *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics. Dictionary of current terms and concepts]. Moscow, 2008.
13. Sirotina I.L. *Kul'turologicheskii potentsial memuarnogo istochnika: poiski novoi paradigmy* [Culturological potential of the memorial source: the search for a new paradigm]. Available at: <http://anthropology.ru/en/text/sirotina-il/kulturologicheskiiy-potencial-memuarnogo-istochnika-poiski-novoy-paradigmy>
14. Tartakovskii A.G. Memuaristika kak fenomen kul'tury [Memoirism as a phenomenon of culture]. *Voprosy literatury* [Literary questions], 1999, no. 1, pp. 35–55.
15. Fedorov F. Memuary kak problema [Memoirs as a problem]. *Studia Rossica XX. Memuarys-tyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, T. I, Wyd. Uniwersytetu Warszawskiego [Studies Rossica XX. Russian Memorabilia and its Cultural Contexts, edited by A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, T. I, Ed. University of Warsaw]. Warszawa, 2010, pp. 25–49.
16. Faryno Ezhi. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. St-Peterburg, 2004, pp. 372–378.

Володина Н.В. «Мемуарный хронотоп» как литературоведческое понятие: к постановке проблемы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №2(77). С. 66–71.

For citation: Volodina N.V. “Memorial chronotope” as a literary concept: problem of definition. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 2 (77), pp. 66–71.